

К ВОПРОСУ О СТРУКТУРЕ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ

М. С. ДАНИЕЛЯН

Теоретическое значение многостороннего изучения общественного сознания, необходимость творческого, а не догматически-формального рассмотрения этого социально-непереоцененного фактора не нуждается в специальном доказательстве: это философия общества в самом серьезном смысле этого слова, имеющая многовековую историю и не менее долговечное будущее, которую не могут заменить ни конкретная социология, ни статистика, ни количественные методы изучения общества. Что же касается практической значимости теоретической разработки этой проблемы и, в частности, вопроса о структуре общественного сознания, то трудно представить утверждение коммунистического сознания без разработки закономерностей и путей становления общественного сознания как специфического явления.

Вопрос о структуре общественного сознания занимает многих современных философов-марксистов. Если два десятка лет назад, говоря об общественном сознании, выделяли главным образом вопрос о формах общественного сознания, их специфике и идеологической значимости и как-то особняком, независимо от всей проблемы в целом трактовали роль таких элементов, как опережающее (передовые идеи, взгляды) или отстающее (пережитки прошлого в сознании людей) сознание, то теперь любая статья, посвященная этому вопросу пестрит такими словами и определениями, как «общественная психология», «обыденное сознание», «индивидуальное сознание», «уровни», «слои», «элементы» и, наконец, «структура» общественного сознания.

Появление этих новых понятий не случайное явление. Оно свидетельствует о более углубленном изучении общественного сознания вообще, и общественного сознания социалистического общества—в частности. Однако, как и всякие новые (или обновленные) понятия и подходы, они нуждаются в строго научной и аргументированной разработке.

Можно предположить, что использование понятия «структура» при изучении общественного сознания есть лишь дань современной терминологии: понятие «структура» прочно и совершенно необходимо вошло почти во все естественные и точные науки и даже в некоторые науки, считающиеся сугубо гуманитарными. Однако, если в этом предположении и есть немалая доля истины, то, тем не менее, никто не станет отрицать, что понятие «структура» уже сейчас способствует тому, чтобы выделить в общественном сознании такие уровни, слои, части, элементы, которые прежде ускользали от внимания социологов. И все-таки, несмотря на определенные успехи так называемого «структурного» подхода

к анализу общественного сознания, вопрос о том, является ли общественное сознание структурой и, если является, как ее надо понимать,— остается дискуссионным и открытым.

Нам представляется неоправданным такое «структурное» понимание общественного сознания, когда в нем выделяются какие-то отдельные части (элементы), не накладывающиеся друг на друга, не перекрывающиеся друг с другом и, в лучшем случае, только внешне соотносящиеся между собой. Такое понимание структуры общественного сознания в виде настойчивой тенденции нашло уже свое выражение в литературе. Ниже мы попытаемся рассмотреть это понимание как в общем виде, так и в отдельных его проявлениях.

Прежде всего необходимо оговорить попытки элементарной замены понятием «структура» старого, философски-испытанного понятия «форма»¹.

Такая замена, точнее, такая подмена (к сожалению, не единичная и не случайная) лишена всякого смысла хотя бы потому, что вместе с ней исчезает тот своеобразный аспект научного рассмотрения общественного сознания, который связан с понятием «структура». И, очевидно, действительный интерес представляет само существо вопроса о тех пределах и принципах, в которых понятие «структура» применимо к общественному сознанию².

К явлениям и фактам действительности понятие структуры применялось давно и было испытано еще тогда, когда структурно-системный подход, как особая методология, не был разработан наукой. Структурный подход к объекту предполагает возможность его систематизации, расчленения на отдельные неоднородные, строго определенные (при определенном подходе—соотносящиеся) части или элементы. Такое понятие структуры (системы) было, как известно, одним из важнейших орудий на первых порах систематизации природы в конкретных науках.

Однако уже в этой своей интерпретации понятие «структура» различается в зависимости от того, является ли исследуемый объект материальным (вещественным) или идеальным. Если материальные объекты можно расчленять на неоднородные элементы (части) и сопоставлять их друг с другом, можно ли аналогичным образом отнестись к идеальному, сознанию, духовному?

На первый взгляд кажется, что это мы и делаем, скажем, с общественным сознанием (как объектом исследования), когда расчленяем

¹ П. Я. Номеровский в своем автореферате «Общественное и индивидуальное сознание» (Киев, 1965 г.) пишет: «Общественное и индивидуальное сознание, как и всякое историческое явление, имеет свое содержание и структуру» (стр. 4). Совершенно очевидно, что здесь понятие «структура» вряд ли можно так безапелляционно применять к любому общественному, духовному явлению в произвольном сочетании. Автор, как это и явствует из контекста, трактует общественное сознание в рамках гармоничной категории—«содержание и форма».

² По этому вопросу см.: А. К. Уледов. О структуре общественного сознания. «Философские науки», 1965, № 3.

его на элементы, части, уровни и т. д. Но это только на первый взгляд: достаточно сравнить содержание понятия, например, элемент, применительно к идеальной или вещественной структуре, чтобы понять принципиальную невозможность аналогии между структурой реально существующего общественного сознания и структурой вещественных объектов.

Когда мы говорим о барии, как о вещественном химическом элементе, то это значит, между прочим, и то, что мы его можем выделить из всей совокупности элементов, практически, экспериментально изучить, ощутить при помощи наших органов чувств или соответствующих приборов. Когда же речь идет об элементах общественного сознания, мы имеем ввиду нечто принципиально иное: ни с одним из элементов общественного сознания мы ничего подобного сделать не можем. «Выделить» тот или иной его элемент (часть, уровень и т. д.) мы можем лишь теоретически через абстрагирующую способность нашего мышления. Здесь, говоря словами К. Маркса, «нельзя пользоваться ни микроскопом, ни химическими реактивами. То и другое должна заменить сила абстракции»³. И это не какая-нибудь «тонкость» или нюанс рассматриваемого вопроса. Общественное сознание принципиально нельзя «разложить по полочкам», рассечь на части в том смысле и таким образом, как это можно сделать с материальным веществом и, тем более, невозможно определить местонахождение этих частей, «указать на них пальцем». Сами понятия «часть», «элемент», а вслед за тем и взаимодействие, приобретают по отношению к практически существующему общественному сознанию принципиально иное значение: части, элементы, слои, уровни и т. д. находятся в таком сложнейшем взаимопроникновении и взаимовыраженности, в которых они не только проявляются, но и возникают, образуются.

Уточнение понятия структуры применительно к сознанию общества как к объекту, имеет, кроме всего прочего, и принципиально методологическое значение, ибо существует органическая связь между вышензложенным различением понятия структуры и вопросом о гносеологической противоположности материального и идеального вообще⁴. Если мы не можем расчленить идеальное таким же образом, как материальное, то это прежде всего потому, что оно не обладает атрибутом материального, иначе идеальное перестает быть идеальным, таким, каким оно трактуется в диалектическом материализме. И тогда лишается всякого смысла противопоставление идеального материальному и в плане основного вопроса философии, и во всяком ином, вытекающем из этого, плане. В результате, пренебрежение спецификой идеального приводит к неправильной оценке специфической функции идеального в практической жизни общества.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 8.

⁴ По этому вопросу см. В. П. Тугаринов. О сознании и об общественном сознании. Вестник ЛГУ № 4, Серия общественных наук, вып. 3, 1955, № 9.

До сих пор речь шла об общепринятом применении понятия структуры (как совокупность, состав) применительно к сознанию общества как к конкретному данному. В этом общеупотребительном смысле мы встречаем у К. Маркса понятие «экономическая структура общества», соотнесенное с его реальным основанием, образуемым совокупностью производственных отношений. В этом же смысле с полным основанием можно говорить о структуре общественного сознания как, скажем, о совокупности форм общественного сознания. Но при таком рассмотрении слов понятие «структура» не имеет еще специфически терминологического смысла, тем более если учесть своеобразие структуры «невещного», абстрагируемого мира. Поэтому-то и рассмотрение отличительных особенностей практически-идеального от материального — это очень важная, но отнюдь не самая главная сторона вопроса о структуре идеального. Ведь разумеется (но, к сожалению, не всеми социологами), в науке речь должна идти о структуре научных понятий, категорий, обобщенно-отражающих конкретно-духовное, идеальные явления. Для современных научных подходов характерны интерес к месту понятия об общественном сознании в системе категорий исторического материализма или же рассмотрение общественного сознания как определенной системы категорий (форм, уровней, слоев и т. д.). При таком подходе общественное сознание должно рассматриваться как духовно воспроизведенное конкретное, которое можно систематизировать, выясняя его структуру уже в терминологическом смысле этого слова.

Такой подход к учению об общественном сознании (или к категории «общественное сознание») кажется очевидным и научно-непререкаемым. Однако, тенденция, намечаемая при исследовании вопросов исторического материализма (речь идет о «расширительной» общеметодологической трактовке формальных, количественных методов в изучении философии общества⁵), свидетельствует о том, что этот подход таит в себе ряд аспектов строго методологического характера. Понятие «структура» применительно к категории общественного сознания выявляет возможности двойкой ее интерпретации: структура «мертвая», как формально-логическая, родо-видовая соподчиненность (хотя бы и содержательных категорий) и «структура» диалектическая, живая, взаимосвязывающая и раскрывающая «содержательные» отношения.

Понятие «структура» применительно к категории общественного сознания означает прежде всего органическую связь всех ее компонен-

⁵ М. Розенталь в статье «Теория познания и современные научные достижения» («Коммунист» № 8, 1965 г.), утверждая единство содержательных и формальных «способов познания», недооценивает методологическое значение этой проблемы. Он пишет, что, хотя формализация и влечет за собой упрощение, схематизацию, «но это искупается, как ни парадоксально, уточнением содержания изучаемых объектов, строгостью подходов, заменой описательных способов точными приемами исследования» (стр. 27). Трудно понять, как упрощенная схематизация, односторонняя количественная абстракция может быть методологически более точной, когда речь идет о количественно-качественных, диалектически содержательных категориях.

тов, т. е. системность. Это органическая структура, от которой нельзя отколоть «части», что-то «ввести» или «исключить» без того, чтобы не посягнуть на саму ее сущность. Но органичность — это лишь предварительная, сама собой разумеющаяся характеристика этой философской категории. Ее наиболее важной характеристикой является неформализуемость. Именно в этой связи встает важнейшая методологическая проблема: категория «общественное сознание» диалектична в том смысле, что ее нельзя представить как формальную, а следовательно, моделируемую систему. Это категория философская и, как таковая, представляет интерес только по своему философскому содержанию⁶. Как неформализуемая система она является совокупностью категорий, находящихся в многообразных связях («внутри» и «вне» общественного сознания), подчиненных диалектической, (а не формальной) логике, как ее понимали Гегель и Маркс, т. е. в методологическом, общефилософском ее значении.

История философского осмысления диалектики сознания была по существу преодолением несодержательного формально-логического количественного истолкования категорий идеального. Эта история прошла долгий и мучительный путь через схоластическую интерпретацию Аристотеля, «геометрические» подходы Гоббса, диалектические постижения Спинозы, прежде чем в «критике чистого разума» Канта обнаружилась неквантитативность, неформальность, «несистемность» категорий. Внутренняя содержательная противоречивость категорий в диалектической системе Гегеля нашла пути своего мыслительного преодоления. В учении же Маркса, использовавшего все достижения также и философского материализма, процесс деформализации завершился. Пала, наконец, последняя методологическая твердыня, — была диалектически осмыслена связь мыслительных категорий с объективной, вещной действительностью. Диалектический метод Маркса был принципиальным отрицанием формально-логической интерпретации системы категорий или категорий как системы. И какими бы новыми «органами» (в виде современных математико-логических подходов) ни обогатился арсенал методов научного исследования, при всей своей плодотворности в определенном отношении, эти подходы не могут играть методологической роли при исследовании общественного сознания. Когда общественное сознание рассматривается как философская категория, ее анализ ни при каком подходе не может отвлекаться от содержательности (и гносеологической, и социологической), а следовательно, от соответствующей многоплановости и противоречивой сложности этой и ей подобных категорий. Поэтому аппарат формальной логики и математики может играть лишь инструментальную роль при исследовании категорий обществен-

⁶ Очевидно, что слово «форма» общественного сознания ничего общего с формализуемостью не имеет.

⁷ По этому вопросу см. Э. В. Ильенков. Предмет логики как науки в новой философии. «Вопросы философии», 1965, № 5.

ного сознания и ни при каких обстоятельствах не может стать методом этого исследования. Поэтому привнесение формально-логического, математико-логического или семиотического структурализма при исследовании «структуры» общественного сознания было бы не только малопродуктивным, но послужило бы скорее искажению содержания этих категорий.

Следовательно, когда речь идет о структуре применительно к общественному сознанию, важно учесть два обстоятельства отрицательного и противоречивого свойства. Понимание структуры общественного сознания как конкретного данного принципиально отличается от того понимания структуры, которое применимо к вещному миру, в силу того, что это структура идеального. Но когда речь идет о структуре общественного сознания, как категории философии истории (исторического материализма), то в этом случае не менее важно уберечься от дальнейшего (одностороннего) абстрагирования этого идеального в сторону «освобождения» его от объективной содержательности. Общественное сознание принадлежит к тому разряду абстракций, которые принципиально не подлежат той степени формализации, которая характерна для математико-логического, структурного подхода.

Поэтому система категорий представляет собой не только теоретически-духовное воспроизведение общественного сознания как реальности, но и сама эта реальность общественного сознания на философском уровне должна рассматриваться с точки зрения этой системы категорий. Так или иначе в центре внимания здесь остается система категорий, выражающая содержательные, диалектически насыщенные отношения вещей и идей. Именно так и раскрывал К. Маркс структуру категорий, разъясняя свой теоретический метод политэкономии. (Введение «Из экономических рукописей 1856—1858 годов»).

Призывы к теоретическому (соответственно-диалектическому) методу исследования общественных явлений—это отнюдь не фраза, и если она иногда кажется фразой, то лишь потому, что «методика», способы диалектического исследования скорее извращены, чем разработаны, и тем труднее, поэтому, ими овладеть. Подойти к исследованию категории общественного сознания как к конкретному, усвоенному мышлением, как к духовному конкретному, рассмотреть общественное сознание не как хаотическое представление о целом и не как «логическую модель» этого целого, а как «богатую совокупность с многочисленными определениями»—этот изложенный Марксом путь является все еще единственным (хотя и чрезвычайно трудным) путем для изучения общественного сознания и его структуры. Только категории, выражающие эту диалектику, ведут к пониманию реальной структуры общественного сознания, ибо эта диалектика имеет в виду такое мыслительное восхождение от абстрактного к конкретному, при котором реальный субъект (т. е. общественное сознание как объект исследования) постоянно витает в на-

шем воображении как предпосылка⁸. Но именно благодаря этому реально существующее сознание общества (и его структура) не просто противопоставляются, а мысленно снимаются и поэтому содержатся и постигаются в той самой богатой определением совокупности, которой является категория общественного сознания и соответственно—его структура.

Может быть, как раз поэтому трудно и едва ли возможно раскрыть категорию общественного сознания и его структуру в строгой окончательной дефиниции⁹. Гораздо точнее можно определить его сущность через структуру в марксовом понимании—в соотносительном анализе этой категории с другими органически и диалектически с нею связанными как в гносеологическом, так и социологическом плане. К тому же только при таком подходе можно попытаться свести, обобщить все те разногласия, которые возникают в связи с определением общественного сознания. А споров — и не случайных — по этому вопросу чрезвычайно много.

* * *

В плане более близкого рассмотрения вопроса о структуре общественного сознания особый интерес представляет ряд проблем, дискутировавшихся в последние годы в нашей литературе.

Является ли общественное сознание тем же, что и сознание вообще¹⁰, то же ли это что идеология¹¹, общественное ли индивидуальное, «необщественное» сознание¹², «входят» ли в общественное сознание обыденное сознание и общественная психология¹³, может быть следует различить его «узкий» и «широкий» смысл¹⁴ и, наконец, как соотносятся гносеологический и социологический аспекты¹⁵ при исследовании об-

⁸ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 12, стр. 726—728.

⁹ Вот что пишет Ф. Энгельс относительно дефиниции в подготовительных работах к «Анти-Дюрингу»: «Дефиниции не имеют значения для науки, потому что они всегда оказываются недостаточными. Единственно реальной дефиницией оказывается развитие самого существа дела, а это уже не есть дефиниция». К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 634—635.

¹⁰ См. В. П. Тугаринов. О сознании и об общественном сознании.

¹¹ См. В. А. Ядов. Идеология как форма духовной деятельности. Изд-во Ленинград. у-та, 1961 (стр. 12).

¹² См. Ю. М. Серов. Общественное и индивидуальное сознание. Изд. Мысль, 1964. В. П. Рожин. Марксистская социология и социальная психология. «Вестник Ленингр. у-та», № 17. Серия экономики, философии и права. Вып. 3.

¹³ В. Ж. Келле и М. Я. Ковальзон. В. И. Ленин о соотношении общественного бытия и общественного сознания. (Сб. «Великие идеи В. И. Ленина претворяются в жизнь». М., «Высшая школа», 1961).

¹⁴ Исторический материализм. М., Госполитиздат, 1954.

¹⁵ В этом вопросе показательно уточнение позиции А. К. Уледова. В статье «О структуре общественного сознания» автор считает, что В. Ж. Келле неправомерно привносит гносеологический аспект в социологический, нечетко разграничивает социологический и гносеологический аспекты (стр. 51). В следующей своей статье «О состоянии общественного сознания» («Вопросы философии», № 2, 1966) А. К. Уледов солидаризуется с В. Ж. Келле и точно, на наш взгляд, раскрывает соотношение этих двух

публичного сознания и его структуры? Все эти вопросы теснейшим образом связаны как с определением публичного сознания, так и с подходом к характеристике его структуры.

Категория публичного сознания имеет множество «смыслов» и именно потому, что она абстрактно выражает чрезвычайно сложную реальность, попытки ее однозначного определения, как например, «публичное сознание есть совокупность идей (автор подчеркивает идей, а не мыслей!), целей и задач общества в целом или определенного класса»,¹⁶—не могут полностью раскрыть его содержания.

В понятии «публичное сознание» прежде всего содержится тот смысл, что сознание общественно в самом прямом, непосредственном смысле этого слова. Это не означает, конечно, что оно «неприродно», т. е. что оно не имеет физиологической (и иной природной) основы, но подчеркивает идею о том, что все мыслительное (а также психологически-эмоциональное) содержание человеческого «сознания вообще» есть продукт, результат общественного существования. Человек никогда не пребывает наедине с природой и идея робинзонады безосновательна независимо от того, идет ли речь о бытии человека или о его сознании. Сознание каждого человека (и человечества) в принципе определяется его существованием в обществе и отражает (хочет он этого или нет) это общественное существование. В этом общем (ставшем, может быть, тривиальным) смысле человеческое сознание не может быть необщественным.

Это положение, в общем своем виде общепризнанное уже в домарксовской литературе, не излишне подчеркнуть, хотя бы потому, что именно в этом, самом широком и первоначальном смысле, прежде всего общественны и индивидуальное сознание, и наука, искусство, религия и т. д., и идеология и психология, и все «уровни», «слои», «элементы», части, формы публичного сознания.

Дальнейшее раскрытие категории «публичное сознание» произошло, конечно, также не вследствие выяснения формально-логической соотнесенности этой категории с другими, а в результате развития и исследования объекта, определяющего ее содержание. Из всей совокупности общественных отношений, взаимодействующих в бытии человека и определяющих его сознание, марксистская философия выделила, как известно, отношения, складывающиеся в процессе производства, и показала их первостепенное (в конечном счете) значение. В этом содержательном марксовом анализе обнаружилась одна из ведущих характеристик публичного сознания: нет человека вне определенным образом

аспектов. «Гносеологический и социологический аспекты изучения публичного сознания,—пишет он,—дополняют друг друга, и потому их не следует противопоставлять, хотя в то же время необходимо видеть различие между ними, чтобы, используя то один, то другой из них, или оба вместе, глубже раскрывать духовную жизнь общества» (стр. 27).

¹⁶ В. П. Тугаринов, там же, стр. 54.

экономически организованного общества, нет сознания вне человека (и исторически и гносеологически), а это значит, что человек—деятель исторически-конкретен, «субъективен» и, следовательно, определенным образом заинтересован (убежден и настроен). Причем, человеческому сознанию органически и диалектически присуще не только выражение заинтересованности «вообще», но и заинтересованности «классовой», когда речь идет об обществе с классовой структурой.

Марксистское определение общественного сознания не снимает все прочие его характеристики, а подводит под него содержательную (а не формально-логическую!) основу, благодаря чему раскрываются внутренние взаимоотношения компонентов этой сложной идеальной системы. Тем более оно не ликвидирует все прочие его определения как человеческого сознания вообще.

Если исходить из тезиса, что общественное сознание отражает лишь общественное бытие¹⁷, тем более понимаемое узко, как производственные отношения (ведь только в этом случае общественное сознание можно,—опять-таки не полностью—отождествлять с идеологией), то тогда, самое меньшее, что нужно сделать — это выяснить какие именно формы (или какие стороны, части и т. д.) общественного сознания «входят» в общественное сознание и что остается вне, в «сознании вообще». При таком подходе терминологическая путаница окажется лишь наименьшим злом, ибо возникает ряд совершенно бессмысленных проблем, не связанных с содержательным анализом форм общественного сознания. Даже анализ науки, казалось бы, наиболее «делимой» из форм общественного сознания, породил бы немалые недоумения: можно, конечно, во имя схемы отнести общественные науки к «общественному сознанию», и естественные—к «сознанию вообще», но как быть с кибернетикой, с техническими науками? Еще труднее было бы с социологическим анализом искусства, которое вообще пришлось бы «разобрать» на части, чтобы расположить по такой схеме. Правда, свое более или менее определенное место нашли бы тогда собственно идеологические формы (политика, право, менее определено—мораль, религия), но эти формы как раз в такой схеме не нуждаются. Как специфически идеологические формы они рассматриваются в несколько иной, специальной категории—надстройке, причем в тесной связи со специфическими классовыми учреждениями, вследствие чего и с наибольшей точностью осмысливается их специфическая социальная функция.

В действительности соотношение идеологии и общественного сознания может быть определено гораздо конкретнее и точнее; для этого, правда, многие ее определения¹⁸ надо свести в одно, более или менее полное, и тогда отпадает вопрос о том, на какую ветвь структурного де-

17 См. В. П. Тугаринов. О сознании и об общественном сознании.

18 По этому вопросу см. В. А. Ядов. Идеология, как форма духовной деятельности общества. Изд. Ленинградского ун-та, 1961, стр. 6—8.

рева общественного сознания следует «пристроить» те или иные его компоненты.

В нашей литературе очень удачно были обобщены три различные точки зрения по вопросу о том, что такое идеология¹⁹. Первая из них заключается в том, что под общественным сознанием следует понимать собственно идеологию. Вторая и третья точки зрения по существу не противоречат друг другу: одна из них утверждает, что идеология—это систематизированное теоретическое сознание класса, а другая,—что это всякое классовое сознание.

Идеология есть выражение классовых интересов—в этом сходятся сторонники всех трех определений. Маркс и Энгельс, называя идеологию эксплуататорских классов извращенным сознанием²⁰, также подразумевали то, что оно извращено в смысле отражения мира сквозь призму субъективности, классовости; и с тех пор идея классовости стала определяющей в категории «идеология». Что же касается систематизированности, то история идеологий показывает, что не у всех классов и не на всех этапах их развития идеология получала систематизированное, теоретическое, а тем более строго научное выражение. Допролетарские эксплуататорские идеологии, в силу своей классовости извращающие мир, по существу не могли быть научными, а классы, поработанные, лишенные элементарной грамотности, не всегда имели достаточно образованных идеологов, способных систематизировать и теоретически выразить их интересы.

Это, конечно, не значит, что классовая идеология не находила своего выражения. Напротив, она ярко и действительно выражалась в иных, в несистематизированных и в нетеоретических идеологических проявлениях—в тех или иных формах общественного сознания (мораль, политика, право, религия, искусство). Отвести ей, на первый взгляд почетную, но узкую, и главное, не соответствующую действительности роль одной лишь теории значит не заметить того широкого поля деятельности, в котором она проявляется. Идеология как выражение классовых интересов проявляется в той или иной степени опосредованности в тех или иных формах, элементах, уровнях, слоях и т. д. общественного сознания.

При таком подходе к идеологии интерес представляет уже не соотношение идеологии и общественного сознания вообще и более конкретный вопрос о том, как и в какой степени проявляется идеология в различных уровнях, слоях, элементах, формах и т. д. общественного сознания. В этой связи наиболее плодотворной является идея о двух диалектически взаимосвязанных сторонах процесса отражения — познавательной и идеологической, идея, дискутируемая в нашей литературе²¹.

¹⁹ См. «Вопросы философии», № 8, 1960, стр. 178.

²⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 16, 185, 473 и др.

²¹ См. В. Ж. Келле и М. Я. Ковальзон. Исторический материализм. М., «Высшая школа», 1960; «Вопросы философии», 1960, № 8; А. К. Уледов. О структуре общественного сознания.

Способность различных форм общественного сознания в разной степени выражать идеологическое начало—факт в истории духовной деятельности людей. Можно утверждать, что формы общественного сознания различаются и тем, как они выражают интересы своего времени, причем всякая неточность в этом вопросе может привести к потере специфики той или иной формы. Если ожидать, чтобы, например, политика выражала интересы класса так же, как это делает, скажем, искусство, и наоборот, то, естественно, и политика и искусство перестанут быть самими собой.

Конечно, ошибочно абсолютно противопоставлять идеологическую сторону собственно познавательной. Однако, идея о двух сторонах единого процесса отражения не только не предполагает, но и не допускает этого²²: в рассмотрении этих двух сторон не допустимы никакой схематизм, расщепление, ибо общезвестно, что классовый субъективизм выражается, в частности, в степени заинтересованности в адекватном, объективном познании мира.

Необходимость диалектического анализа познавательного и идеологического моментов в процессе познания имеет первостепенное значение при определении отстающего, наличного и опережающего слоев в структуре общественного сознания. Такое расщепление общественного сознания столь же приблизительно и условно, как все прочее, и не случайно Ф. Энгельс говорит²³ о нем применительно к определенной (моральной) идеологической форме общественного сознания. Но, очевидно, что содержательным основанием такого деления является не познавательная, а идеологическая сторона процесса отражения.

И, если при содержательном анализе опережающего, наличного и отставшего сознания не учитывать конкретного для каждой формы общественного сознания, соотношения идеологической и познавательной сторон, то трактовка целого ряда актуальных проблем серьезно затруднится. Можно ли возникновение «новой» религии представить себе как опережающее сознание? Можно ли считать относительные научные истины прошлого «пережитками» прошлого в сознании людей, хотя, конечно, вчерашний день науки—это отставшее сознание? И, наконец, чем характеризуются вообще пережитки прошлого в сознании людей и какое место они занимают в структуре общественного сознания? Связь взаимодействия познавательной и идеологической сторон с так называемой ценностной очевидна и требует особого внимания и специального исследования.

Отличительность идеологической стороны процесса отражения не означает, конечно, что она начисто лишена познавательного смысла, что это по существу антипознавательный момент. Если, оторвав идеологию

²² Удивительно поэтому, что сам В. Ж. Келле, видвинувший вместе с М. Я. Ковальзоном этот аспект, затем в другой своей работе характеризует идеологию как часть общественного сознания. Структура общественного сознания, стр. 29.

²³ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. Госполитиздат. М., 1957, стр. 88.

от познавательного процесса, противопоставить ее познанию, а затем при определенных обстоятельствах превратить в самодовлеющее начало, то, в противоречие со всем развитием духовной культуры человечества, можно прийти к сомнительному утверждению (или практике), будто достаточно быть выразителем интересов прогрессивного класса, а доказательность (равно как талант, мастерство, умение, знание и т. д.) — лишь второстепенные и маловажные условия для развития этой духовной культуры. Этот вывод, собственно, был бы логичен и в том случае, если бы идеология рассматривалась как особая часть общественного сознания, систематизированная и теоретическая.

В структуре общественного сознания совершенно справедливо различаются два уровня — теоретическое и обыденное сознание. В связи с этим принципиально верным делением возникает ряд трудностей, которые не всегда становятся предметом внимания философов опять-таки потому, что понятие структура применительно к общественному сознанию схематизируется больше, чем это позволяет сам предмет.

У многих исследователей деление сознания на два уровня прямо соотносится с делением познания на эмпирическое и теоретическое²⁴. Такая соотнесенность, кажущаяся естественной, в действительности стирает различие между общественным сознанием, как совокупностью мыслей, идей, чувств, и познанием — процессом отражения, воспроизведения действительности, который правомерно рассматривать в плане соотношения эмпирического и теоретического²⁵.

Прежде всего, можно ли назвать высший уровень общественного сознания теоретическим? Можно, если речь идет об одной из форм общественного сознания — о науке, области специфической в этом смысле, где эмпирическое познание можно назвать также в другой связи, обыденным сознанием. Но общее определение этих двух уровней для всех форм общественного сознания (в том числе и для науки) не исчерпывается этой специфической характеристикой. Если назвать высший уровень общественного сознания теоретическим в общепринятом значении этого слова²⁶, то из общественного сознания следовало бы «исключить» по крайней мере искусство и религию, как принципиально нетеоретические (по разным, конечно, причинам) формы общественного сознания. Положение искусства (как и религии) среди форм общественного сознания вообще «пасынковое»: ни в одном определении общественного сознания не содержится эмоционального или психологического признака (чувства, настроения, воля и т. д.), а искусство не есть, как известно, ни

²⁴ См. В. Ж. Келле. Структура общественного сознания, стр. 39—40; А. К. Уледов. О структуре общественного сознания, стр. 51.

²⁵ Это различие недооценивает Э. Х. Степанян, отождествляя познание с сознанием. (См. Э. Х. Степанян. Развитие общественного сознания и взаимодействие его форм. В сб. «Взаимодействия форм общественного сознания». Изд. Моск. у-та, 1964).

²⁶ Речь идет, конечно, о современном понимании этого термина. В кантовской философии противопоставление теоретического (чистого) разума — практическому имело более широкий и поэтому более соответствующий для определения уровней смысл.

теоретическое, ни вообще логическое познание. Правда, если точно следовать некоторым определениям общественного сознания, то из него должны быть исключены и «обыденное сознание», и тем более «общественная психология», которые, хотя и являются «тоже сознанием», но характеризуются, как известно, чувствами и эмоциями.

Можно было бы, в связи с этим, перевести искусство (и религию) рангом ниже, в обыденное сознание, «исключить» его из сознания теоретического. Но тут уже пришлось бы иметь дело с фактами. Поэтому, нет смысла продолжать сопоставление, чтобы убедиться в том, что сущность вопроса не в термине «теоретическое», а в том, как следует подходить к определению уровней общественного сознания.

Правильный подход к определению уровней (и, кстати сказать, название) подсказывает известные высказывания по этому вопросу К. Маркса в «18-ом брюмере Луи-Бонапарта». Соотнося литературных (оформляющих, систематизирующих сознание) представителей класса, к самому классу, К. Маркс пишет: «Представителем мелкого буржуа делает их то обстоятельство, что их мысль не в состоянии переступить тех границ, которых не преступает жизнь мелких буржуа, и потому теоретически они приходят к тем же задачам и решениям, к которым мелкого буржуа приводят практически его материальные интересы и его общественное положение. Таково и вообще отношение между политическими и литературными представителями какого-либо класса и тем классом, интересы которого они представляют»²⁷. Продолжая мысль Маркса можно утверждать, что таково вообще соотношение между систематизированным, литературно-выраженным уровнем сознания и практическим, обыденным сознанием людей, в какую бы специфическую форму они ни облекались.

То, что два уровня различаются по степени обобщенности отражения окружающего мира (т. е. в гносеологическом плане), уже является общепринятой точкой зрения. Такой подход при различении уровней приемлем к любой форме общественного сознания. В праве, например, есть не только сформулированные, систематизированные, литературно-выраженные положения (теории, кодексы и т. п.), но и такие элементы правосознания, которые соответствуют практически действующей ступени обобщения. В искусстве также можно различить уровень обыденного сознания, часто открывающий двери так называемому дурному вкусу. И даже в такой сугубо мировоззренческой области, как философия, мы сопоставляем классическую линию ее литературных выразителей с доморощенными философскими взглядами каждого, или, как писал Энгельс, с «обыденным, общим сознанием так называемых образованных людей, над которыми господствуют остатки давно умерших философских систем»²⁸.

²⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения. М., 1955, т. 1, стр. 238 (подчеркнуто мной.—М. Д.).

²⁸ Ф. Энгельс. Диалектика природы. Госполитиздат. 1921, стр. 166.

Но высшая степень обобщенности систематизированного, оформленного, литературно-выраженного сознания не должна рассматриваться как чисто гносеологическая характеристика (адекватность, истинность). II, может быть, в этом также заключается специфика подхода к общественному сознанию в отличие от познания. При исследовании различий указанных уровней, как нигде, проявляется нерасторжимость, непротивопоставляемость, несхематизируемость взаимосвязи социального и гносеологического. Обыденное сознание в отличие от систематизированного не только менее истинное, недостаточно проникающее в сущность, но оно, прежде всего, социально менее (недостаточно) зрелое.

Обыденное сознание, рассматриваемое в более широком плане—это обобщение частных, не всегда правильно понятых интересов. Оно, поэтому, ограниченное потребностями «сегодняшнего дня» (и в силу этого чаще всего обывательское), выражение эмоций, вкусов и страстей частного конкретного характера. Правда, вследствие этого оно не становится ни менее «всеобщим», ни менее действенным и общественно-значимым, так как именно в обыденном сознании люди (в основной своей массе) черпают руководство в своей каждодневной жизни.

В обыденном сознании превалирует (в отличие от систематизированного сознания) эмоциональный, «психологический» элемент. Точнее—эта сторона, это человеческое начало выражено в нем непосредственно, непреобразованно, первозданно. Поэтому верно, когда обыденное сознание сближают с «общественной психологией». Но когда вслед за этим «общественная психология» обескровливается, т. е. противопоставляется идеологии, содержащейся якобы лишь в более высоком (высоком, а не передовом!), систематизированном уровне общественного сознания, а у некоторых авторов «выводится» за пределы общественного сознания, то многие важные характеристики и обыденного сознания, и общественной психологии смещаются. Общественная психология, конечно же, имеет дело прежде всего со специфически психологическими процессами в духовной деятельности человека. Но значит ли это, что в общественной психологии и, соответственно, в обыденном сознании отсутствует, не проявляется идеологическое содержание?

Вместе с тем идеология может быть (и бывает) выражена специально, систематически, теоретически и даже строго научно. Адекватным средством «чистого» выражения идеологии служит, естественно, идейная (интеллектуальная) форма духовной деятельности, в то время, как общественная психология связана больше с эмоциональной, не всегда формируемой даже в элементарные понятия, сферой духовной деятельности. Различие идеологии и психологии, таким образом, не в различении уровней общественного сознания,—и здесь еще раз подтверждается условность структуры общественного сознания,—а скорее в различении сфер духовной деятельности человека—мыслительной и эмоциональной.

Вопрос о том, являются ли обыденное сознание и социальная психология столь же и в том же смысле общественными, как и систематизи-

рованное сознание, на первый взгляд кажется отнюдь не дискуссионным. Однако когда ряд авторов²⁹, неправомерно сводя обыденное сознание к индивидуальному (не «всеобщему») сознанию, вслед за этим и то и другое «выводят» за рамки общественного сознания, вопрос этот представляется более сложным.

Более низкий уровень общественного сознания не превращает его в сознание второго сорта, в необщественное сознание—об этом уже говорилось выше. Более того, «грань», отделяющая обыденное сознание от обобщенного литературно-выраженного, очень подвижна, переходяща, ибо эти уровни существуют не сами по себе, а в сложном переплетении и во взаимодействии в индивидуальном сознании каждого. И именно отсюда возникает возможность перерождения передового мыслителя в обыкновенного обывателя (и даже политико-нравственного перерождения целого направления) и, наоборот, возможность воспитания самых широких масс в духе передового мировоззрения своего времени.

Вопрос о соотношении индивидуального и общественного сознания—один из самых важных и трудных. И он становится вообще неразрешимым, когда структура общественного сознания подвергается недозволенной формализации и схематизации. Индивидуальное сознание—это уже не какая-нибудь определенная форма, слой, уровень, сфера, элемент, часть и т. д. Индивидуальное сознание это реальная, объективная, конечная (или первоначальная) конкретная данность, из которой абстрагируется, обобщается, собственно все то, что являет собой категорию общественного сознания и все элементы его структуры.

Общественное сознание хотя и является реальностью, тем не менее не возникает вне индивидуального сознания и существует отдельно лишь в том смысле, что оно может быть зафиксировано вещественно. Поэтому любое индивидуальное сознание, несмотря на всю свою индивидуальность, конкретность, содержит в себе общественное (свое «всеобщее» различных уровней) сознание в самом принципиальном (и социальном) смысле этого слова. Здесь проявляется элементарная диалектика, согласно которой «общее существует лишь в отдельном, через отдельное. Всякое отдельное есть (так или иначе) общее. Всякое общее есть (частица, сторона или сущность) отдельного»³⁰. Это не значит, конечно, что индивидуальное сознание (в смысле сознания личности) и есть общественное сознание. Индивидуальное сознание конкретно, единично, неповторимо и эта неповторимость определяется множеством факторов биологического, психологического, социального, духовного порядка. Но именно из этого неповторимого единичного абстрагируется, обобщается то, что мы называем общественным сознанием.

Как явствует, в этом вопросе,—в вопросе о соотношении индивидуального и общественного сознания, как философских категорий, нап-

²⁹ См. Ю. М. Серов. Общественное и индивидуальное сознание. Изд. «Мысль», М., 1964. П. Я. Номеровский. Общественное и индивидуальное сознание.

³⁰ В. И. Ленин. Соч., т. 38, стр. 259.

более ярко проявляется диалектика «структуры» общественного сознания, ибо именно в этом вопросе, как в фокусе сосредотачивается вся сложность взаимодействий и переплетений, которые и определяют особую интерпретацию понятия «структура» применительно к духовной деятельности вообще и к категории общественного сознания—в частности. И, может быть, именно поэтому всю эту сложную совокупность многопереплетающихся уровней, слоев, сфер, идей и эмоций, единичного и всеобщего, социального и гносеологического, классового и общечеловеческого можно распознать и осмыслить как единство многообразного только в том случае, если будет подвергнута содержательному, всестороннему и скрупулезному теоретическому анализу самая массовидная и всеобщая реальность—человеческая индивидуальность. В таком подходе для марксистской философии нет ни грана откровения, важно лишь не принести в жертву схеме—живое, наукообразному—науку, форме—содержание.

ՀԱՍԱՐԱԿԱԿԱՆ ԳԻՏԱԿՑՈՒԹՅԱՆ ՍՏՐՈԿՏՈՒՐԱՅԻ ՄԱՍԻՆ

Մ. Ս. ԴԱՆԻԵԼՅԱՆ

(Ա Մ Փ Ո Փ Ո Ւ Մ)

Հոգիվածում քննվում է այն հարցը, թե ինչպես և ինչ առումով կարելի է մեկնարարանել «ստրուկտուրա» հասկացությունը՝ հասարակական գիտակցության վերլուծության ժամանակ:

«Ստրուկտուրա» (կառուցվածք) հասկացությունը իր այն բովանդակությամբ, որով նա կիրառվում է նյութական (առարկայական) աշխարհի նկատմամբ, հասարակական գիտակցության՝ որպես իրականության նկատմամբ կիրառելի է: Իսկ երբ խոսքը վերաբերում է հասարակական գիտակցության որպես կատեգորիայի, ապա անհրաժեշտ է նկատի ունենալ այն կատեգորիայի փոխհասկացական, բովանդակային-անսահման ընդունելի լինելու կատեգորիայի կառուցվածքը չի պարզվում բացահայտելու նրա տարրերը ըստ ձևական հատկանիշների մասնատելու և դասակարգելու միջոցով: Բայց դա ղեկ չի նշանակում, թե միևնույն ժամանակ անհրաժեշտ չէ (թե փաստացիորեն և թե մեթոդոլոգիապես) հասարակական գիտակցության մեջ մակարդակներ, շերտեր, ոլորտներ ձևեր գանազանելու:

Այս տեսակետից վերլուծվում և համադրվում են այնպիսի ասպեկտներ ինչպիսիք են տնտեսական և հասարակական գիտակցությունը, առարկայաբանությունը և սոցիալական հոգեբանությունը, առօրյա և կանոնավորված գիտակցությունը նման վերլուծությունը հանգեցնում է այն եզրակացության, որ «հասարակական գիտակցություն» կատեգորիան այնպիսի բազմաբնույթի մի սիստեմ է. որոնք գտնվում են բազմապիսի կապերի և փոխներդրությունների մեջ, և ենթարկված են դիալեկտիկական (այլ ոչ թե ֆորմալ) տրամաբանության օրենքներին, նրա մեթոդոլոգիական, ընդհանուր փոխհասկացական բովանդակությունը: